

Михоэлс С.

30/IX-88

Слово о мастере

Сов. Россия, - 1988. - 30 сент. - с. 4

ПРАКЛИЙ АНДРОНИКОВ: «Это был потрясающий Лир! Эту роль исполняли великие актеры — Сальвини, Росси, Барнай. Но ни один из них не сыграл того Лира, какого увидел Михоэлс... Он создал образ деспота, который уходит от власти потому только, что она потеряла для него всякую ценность. Что для него могущество, сила? Что правда, ложь? Все ничтожно в его глазах, кроме его собственной личности».

ЮРИЙ ЗАВАДСКИЙ: «Михоэлс удивительно владел речью. Он был великим сыном своего народа, и, конечно, понять Михоэлса можно, только познав его внутреннюю связь с многовековой культурой еврейского народа. И в то же время это был настоящий советский художник, государственно мыслящий, превосходно, глубоко, проникновенно вобравший в себя русскую культуру».

ГОРДОН КРЭГ, английский режиссер: «Какие бы похвалы ни были сформулированы по адресу актера Михоэлса, это не будет преувеличением. Теперь мне ясно, почему в Англии нет настоящего Шекспира на театре. Потому, что там нет такого актера, как Михоэлс».

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ: «Брад ли кто еще так глубоко, как С. М. Михоэлс, понимал все значение слова в драматургии наших дней (в этом смысле его можно было бы сравнить только с К. С. Станиславским). С благодарностью вспоминаю я, с какой тонкостью чувствовал Соломон Михайлович красоту и поэзию русского слова, освобожденного под рукой художника от налипших на него в обиходе ассоциаций, извещкований, склеротических наслоений, — слова, выходящего на свободный простор — за рамки этих ассоциаций».

СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ: «В спектаклях, постав-

ленных Михоэлсом, звучала большая тема любви и гнева. Любви к тем, кто несет в себе человека, и этим самым тему нашего Сегодня и нашего великого Завтра. Гнева, облеченного михоэлсовским сарказмом и поднятого до пафоса борьбы против всего звериного, злого, всего античеловеческого».

ПЕРЕЦ МАРКИШ: «В «Тевье» Михоэлс объективно показал детство века. Сейчас Михоэлсу предстоит войти в средние и зрелые годы нашего великого столетия, в форму нового социалистического еврея, уже не «Тевье-молочника», а в его сыновей, в новорожденных сыновей еврейского народа, которые вместе с лучшими сынами всех народов выполнили и осуществили мечту Тевье, мечту гонимых и преследуемых масс».

БОРИС ФИЛИППОВ: «Этот человек — невысокого роста, с лицом Анастасии, отвисшей нижней губой и большим, умным, выпуклым лбом — пользовался общим признанием и симпатией всей артистической среды. ...Этому человеку никогда не была свойственна узконациональная ограниченность. Он был ярким врагом шовинизма. С глубоким уважением относился он к проникнутой идеями гуманизма великой русской культуре...».

ИЛЛЯ ЭРЕНБУРГ: «Он был большим актером, и, конечно же, его стихией было искусство. ...Талант Михоэлса почитали актеры различных направлений; я помню, с каким восхищением говорили о нем и Качалов, и Мейерхольд, и Питиев... Он любил русский язык, и его друг А. Н. Толстой иногда говорил: «Не понимаю, почему Соломон не хочет играть в русском театре». Но у Михоэлса было любимое дитя — Еврейский театр...».

Он был поэтом сцены

Сцена из спектакля «Тевье-молочник»; Лир. «Король Лир».